

Гарифулина Эльвира Шамильевна, кандидат социологических наук,
руководитель программ Благотворительного фонда
Елены и Геннадия Тимченко

Безусловно, важно и нужно регулярно собирать качественные данные по проблематике сиротства, данные, которые бы позволяли и регионам сравнивать себя относительно предыдущих лет, так и друг с другом, отслеживать прогресс в деятельности по решению проблемы сиротства. При этом я не большой сторонник рейтингов, так как они таят ряд опасностей, риски, что полученный рейтинг имеет мало общего с реальной ситуацией. Например, нередко есть проблемы с концепцией рейтинга или с тем, как собираются и анализируются данные. В итоге, некоторые откровенно слабые регионы выглядят в рейтинге вполне хорошо, и наоборот. Следует также учитывать и тот факт, что в ряде регионов исторически сложилась более благоприятная ситуация: изначально было мало учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Соответственно, важно обратить внимание на те регионы, где остаются неустроенными в семью достаточно большое количество маленьких детей без особых проблем со здоровьем, а в соседних регионах виден явный прогресс в устройстве детей с ОВЗ и подростков.

Ключевой вопрос: нет ли «заигрываний» с цифрами? Например, зачастую ради улучшения отчетности закрывают небольшие, компактные детские дома, которые не имеет особого смысла закрывать, а крупные учреждения с большим числом воспитанников при этом остаются. Для ребенка перемещение из одного учреждения в другое – это всегда большой стресс, кроме того, детей вывозят с той местности, где живут их кровные родители и родственники, а соответственно, снижаются возможности для их контактов и возвращения в родные семьи.

Позитивный тренд – признается важность сохранения ребенка именно в кровной семье, и здесь мы видим хорошую динамику. Например, наметилось сокращение числа ежегодно выявляемых детей-сирот: с 68770 детей в 2013 году до 49520 детей в 2017 году. Это может говорить о том, что более эффективной становится профилактика сиротства, работа с кровной семьей, но может и нет, если профильные структуры, «чтобы не портить» статистику, не ограничивают в родительских правах даже там, где это необходимо, при этом не проводя серьезную работу с семьей, а может в эти цифры «защиты оба сценария»: и позитивный, и негативный.

Или, например, можно выделить наметившуюся тенденцию снижения числа случаев применения такой меры как лишение родительских прав, и одновременно, распространение практики применения более мягких мер, таких как ограничение в родительских правах, в период применения которого проводится реабилитационная работа (правда, к сожалению, не всегда реально проводится и не всегда в должном качестве) по выводу семьи из кризиса или социально опасной ситуации. Однако иногда, чтобы не портить статистику, профильные структуры, органы опеки и попечительства предлагают кризисным семьям вариант трехстороннего соглашения, когда дети временно помещаются в учреждения. По сути, ситуация ребенка не меняется, кровные родители продлевают каждые полгода договор или могут на несколько дней забрать домой (по факту или на бумаге). В итоге, ребенок может годами оставаться в учреждении, считаясь «семейным». Даже возвращение ребенка в кровную семью также не всегда рассматривается как тонкая, «ювелирная» работа, включая предварительную работу с кризисной семьей и ребенком, сопровождение такой семьи.

Конечно, есть тонкая грань, как с одной стороны, не «лезть в семью», не нарушать ее границы, а с другой – как вовремя увидеть риск возникновения кризисной ситуации, как понять, когда и какая поддержка необходима семье, чтобы она даже не попала в трудную жизненную ситуацию, кризис или социально опасное положение, потому что в подлинном значении слова именно это и есть профилактика.

Важно с привлечением представителей профессиональных и общественных организаций, самих семей выработать понятные и разделяемые критерии благополучия и неблагополучия семьи и ребенка, исключая разное толкование и свидетельствующих о результативности работы участников сферы защиты детства. Необходимо – не на словах, а на практике – использовать механизмы межведомственного взаимодействия в системе профилактики социального сиротства, обеспечивающие применение общих стандартов работы, понятий, критериев, показателей, а также реально обеспечивающие соблюдение приоритета интересов и прав ребенка, в том числе право на сохранение кровной семьи. Важно развивать и диалог с представителями СМИ для обеспечения адекватного представления темы профилактики социального сиротства, а также расширение форм и аудитории информационно-просветительской деятельности по проблемам социального сиротства, детского и семейного благополучия.

На мой взгляд, уже назрела необходимость продумать систему показателей (в том числе и официальной статистики), которая бы «говорила» о благополучии детей; о том, что происходит с выпускниками учреждений, когда они становятся взрослыми. Например, кто-то однажды некорректно сказал про то, что «только у 10% выпускников учреждений благополучно складывается судьба, а остальные сидят в тюрьмах или заканчивают жизнь самоубийством». В итоге, это очень поддерживает негативные мифы и стереотипы о детях из детских домов.

Я бы хотела особо подчеркнуть: важно не только анализировать статданные, но «и копать глубже», при необходимости – проводить дополнительные исследования, собирать регулярную обратную связь, кейсы, анализировать результаты. Например, в программе «Семья и дети» Фонда Тимченко мы анализируем данные мониторинга, получаемые от наших благополучателей (а важно заметить, что у нас длительные проекты, трехлетние и есть более длительные). Собираем данные по количеству устроенных в приемные семьи и возвращенных в кровные семьи детей, в т.ч. подростков, детей с ОВЗ, по количеству предотвращенных отобраний и отказов от детей, по динамике того или иного аспекта благополучия ребенка и молодого взрослого. Мы действительно видим позитивные тренды: что стали чаще брать в семьи детей с ОВЗ и инвалидностью, и с синдромом Дауна, и с расстройствами аутистического спектра, и с тяжелыми множественными нарушениями (раньше большинство «особых» детей были обречены из детских институциональных учреждений «перемещаться» в интернаты для престарелых и инвалидов). Появляются семьи, которые целенаправленно берут в семьи именно подростков, которых много в учреждениях и которых еще не так давно не готовы были брать в семью. Благодаря конкурсу дневников приемных семей «Наши истории» мы видим, что постепенно приемное родительство становится нормой, меняется общественное сознание и тональность публикаций в СМИ. Это уже не только геройство или криминальные хроники и драма, это уже истории вполне обычных людей, воспитывающих приемных или усыновленных детей, истории наших друзей, родственников и соседей.